

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ  
АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

I. История албанского языка неотделима от его диалектологии, так как на протяжении многих веков язык этот существовал только в устной форме как совокупность более или менее близких диалектов. До недавнего времени албанские диалекты были почти не изучены, и научный подход к языку в целом, опиравшийся на ознакомление лишь с одним-двумя из его территориальных вариантов, оставался по необходимости ограниченным в своей значимости.

К настоящему моменту изучение лингвистических ландшафтов Албании значительно продвинулось вперед, главным образом благодаря широким масштабам работы, развернутой диалектологами Албанской Народной Республики, которые создали серию типовых описаний говоров различных районов страны. Если считать основной формой научной фиксации территориальных наречий создание лингвистических карт, то сейчас уже созданы необходимые предпосылки для организации такого рода работ. Составление лингвистического атласа Албании в настоящее время является вполне реальной задачей. Следует заметить, что добытые исследованием факты уже сами по себе дают значительный материал для обобщений и выводов лингвогеографического порядка.

Диалектология албанского языка сложилась как историческая дисциплина, и в этом ее большое теоретическое значение. Наряду с описанием диалектных фактов осуществляется их историческая интерпретация, проводимая путем сравнения с данными памятников раннеалбанской (начиная с XVI в.) письменности. Исследованиями проф. Э. Чабея, соединившего филологический подход с лингвогеографическим, открыта новая страница в изучении истории албанского языка.

Для языка с относительно поздней и ограниченной письменной традицией историческая диалектология является неопределимым источником сведений о предшествующих этапах его развития, особенно если есть возможность соотнести лингвистическое членение диалектных областей с фактами истории народа. Изучение диалектов, определение связей и различий между ними, обусловленных конкретной географической и социально-исторической средой, позволяют значительно обогатить сумму сведений по истории албанского языка, необходимую для понимания общих закономерностей и специфических деталей сложения его фонетической системы, грамматического строя и лексического состава.

II. К задачам исследований в области албанской исторической диалектологии относятся: определение исторических основ диалектного членения, установление относительной хронологии явлений, лингвистическая интерпретация языковых изменений и языковых движений, воссоздание социально-исторических контекстов, в рамках которых осуществлялись языковые движения (пути распространения инноваций, создание обобщенных типов речи — койне, взаимодействие диалектов).

Рассмотрение диалектного членения албаноязычного ареала, естественно, начинается с констатации общей схемы: две большие диалектные области (гегская и тоскская) и полоса смешанных говоров между ними. Более сложным представляется внутреннее членение каждой из основных диалектных областей. Особенно сильно расчленена гегская область, в пределах которой можно выделить несколько больших диалектных районов, а внутри каждого из них — локальные центры иррадиации отдельных явлений, а также окраинные участки, смыкающиеся с периферией соседних районов. Значительно слабее выражена дифференциация в тоскской диалектной области, для которой в основном характерна непрерывность постепенного накопления немногих различительных признаков по сплошной территории единообразного в целом типа речи.

Длительность процесса формирования двух основных диалектных зон является неоспоримым фактом истории албанского языка. Внутри этих зон в свою очередь действовали с разной степенью интенсивности процессы образования и распространения новых различий. Различия между тоскской и гегской областями выражаются не только в наличии специфичной для каждой из них суммы признаков фонетического, морфологического и лексического порядка, но также в территориальном распределении этих признаков, а следовательно — в самом характере лингвистической карты. Значительная расчлененность гегского ареала и относительное единство тоскского явились следствием причин социально-исторического порядка; в известной мере они связаны также с особенностями географических ландшафтов северной и южной частей страны.

В поисках объяснения типологических различий, характеризующих конфигурацию диалектных отношений на отдельных участках албанской территории, необходимо учитывать многообразие форм речевого общения, связанных с длительным сосуществованием в прошлом нескольких общественных укладов и типов хозяйства. Древние родоплеменные отношения с присущими им своеобразными типами речевых связей; объединения территориального характера, возникавшие в условиях феодального общества; отгонное скотоводство, предположившее сезонные перемещения с гор на равнины; рост городов, становившихся центрами экономического притяжения для обширных сельскохозяйственных районов; развитие экономических и культурных отношений между областями — все эти разнородные факторы по-своему определяли процессы диалектного развития в сравнительно небольшой, но очень разнообразной по природным условиям стране.

Результатом историко-диалектологических исследований албанских лингвистов, в первую очередь Э. Чабея, является установление следующих важных положений: 1) албанский язык средневековой эпохи имел более единообразный характер, чем в настоящее время. Основные диалекты (гегский и тоскский) были тогда, по-видимому, ближе один к другому и в большей степени выявляли общий тип языка; 2) характерные явления, разделяющие в настоящее время гегский и тоскский, выкристаллизовались не сразу и не все одновременно, но развивались постепенно; в значительной части их можно считать относительно новыми. Для многих из них мы в состоянии определить время возникновения, установить относительную, а иногда и абсолютную хронологию<sup>1</sup>.

Э. Чабей полагает, что преобладающее количество инноваций, главным образом фонетических, возникло в гегской диалектной области в первые века турецкого владычества. Инновации эти распространялись из центральных областей и не захватили некоторых периферийных зон.

<sup>1</sup> См. об этом: E. Çabej, Gjon Buzuku, «Buletin për Shkenecat Shqiptore», Tiranë, 1955, 2, стр. 81.

Данные исторической диалектологии действительно показывают, что некоторые из явлений, характерных для гегского и тоскского диалектных типов, развились и сгруппировались в пучки специфических признаков в сравнительно недавнее время. Аналогичные наблюдения могут быть сделаны и в отношении образования диалектных различий внутри каждой из двух больших диалектных областей. Поэтому не приходится удивляться тому, что историческая диалектология албанского языка естественным образом оказалась ориентированной на изучение диалектных явлений и отношений, складывавшихся на протяжении последних четырех столетий. Сравнительная обзорность свидетельствующих эту ближнюю историю диалектных фактов, возможность обращения к письменным памятникам XVI—XIX вв., а также относительная доступность сведений общепристорического порядка, с которыми языковые факты могут быть поставлены в связь, — все это стимулирует успешное изучение этого периода истории албанского языка.

Однако в отношении предшествующих исторических периодов нерешенной остается проблема возникновения основного диалектного членения албанского языка, о древности которого свидетельствует явление ротацизма в тоскском — изоглоссы, резко разделившей албаноязычный ареал, по-видимому, еще в I тысячелетии н. э.

Основываясь на факте значительного схождения раннегегского и раннетоскского состояний, засвидетельствованного письменными памятниками XVI—XVII вв., а также исходя из относительной новизны ряда специфических особенностей гегского диалекта, албанские исследователи склонны считать, что сложившееся постепенно членение на гегскую и тоскскую диалектные области в принципе относится к новому периоду истории Албании. Такая позиция подтверждается и этнографическими данными, поскольку названия *гегги*, *Гегния*, *тоски*, *Тоскерия* имели в прошлом гораздо более ограниченный круг применения: *Гегния* распространялось не на всю северную Албанию, но лишь на южную ее часть, а название *Тоскерия* исторически связано лишь с северо-восточной частью южноалбанской территории<sup>2</sup>.

Однако концентрация внимания на явлениях позднего происхождения неравномерно оставляет в тени предысторию основного диалектного членения албанского языка, возникновение которого относится к значительно более раннему времени.

III. Различие ротацированных тоскских и неротацированных гегских форм до сих пор является, несмотря на свой исторический характер, наиболее релевантным и абсолютно значимым признаком диалектной принадлежности любых вариантов албанской речи. В настоящее время различие состоит в следующем: гегскому *n* в интервокальной позиции (исключения имеют свое объяснение) соответствует тоск. *r*. Например: гег. *vĕn(ĕ)*, *vĕna* — тоск. *verĕ*, *vera* «вино»; гег. *rān(ĕ)*, *rāna* (<лат. *arena*) — тоск. *rĕrĕ*, *rĕra* «песок»; гег. *i tyne* — тоск. *i tyre* «их» (род. п. мн. ч. от *ai*, *ajo* «он, она»). Так же и в тех случаях, когда неударное *ĕ* в конце или в середине слова редуцировалось и позиция *n* (*r*) уже не является интервокальной: гег. *i dashun* — тоск. *i dashur(ĕ)* «любимый; милый», гег. *dimĕn*, *dimni* — тоск. *dimĕr*, *dimri* «зима»; гег. *Shqipni* — тоск. *Shqip(ĕ)ri* «Албания».

Изменение *-n > -r-*, получившее название ротацизма, развилось и распространилось в части албаноязычного ареала, по-видимому, еще в древнеалбанскую эпоху. Для точной датировки данных не имеется, одна-

<sup>2</sup> См.: R r. Z o j z i, Ndamja krahinore e popullit shqiptar, «Etnografia Shqiptare», I, Tiranë, 1962, стр. 26.

ко важно, что славянские заимствования в основном оказались не застигнутыми этим фонетическим сдвигом, который охватил исконную лексику индоевропейского происхождения и древний слой латинских и греческих заимствований.

Ротацизм может считаться специфической инновацией одной из частей древнеалбанского лингвистического ареала. Изоглосса эта не потеряла своего значения до настоящего времени и до сих пор является основным признаком, отличающим тоскский диалект от гегского. По этому признаку начало выделения двух диалектных типов албанской речи должно быть отнесено к ранним периодам албанской истории, хотя в остальном эти типы могли оставаться очень сходными, пока позднее не произошло наследие новых различительных черт. Поскольку с этнографической точки зрения подвергается сомнению правомерность наименований «тоски» и «гегги» для соответствующих частей древнеалбанского этноса, то от наименований этих можно было бы отказаться, ограничившись чисто лингвистическими обозначениями «ротацирующего» и «неротацирующего» диалектов. Сущности дела это не меняет. Перед нами важный факт ранней истории албанского народа, получивший отражение в языке, однако в объяснении этого факта до сих пор все остается, к сожалению, неясным: характер самого звукового изменения, хронология, внешнеисторические условия диалектного членения.

Фонетические основы албанского ротацизма, имеющего себе параллель в сходных явлениях некоторых румынских диалектов, еще не получили развернутой научной трактовки. В свое время Г. Педерсен в комментариях к записям чамерийских текстов обратил внимание на своеобразный характер интервокального *n*, акустически близкого к звуку *r*<sup>3</sup>. Предполагается наличие определенной связи между ротацизмом и явлением назализации гласных. Э. Чабей, обратив внимание на то, что в тоскском при наличии ротацизма отсутствует назализация, а в гегском наблюдается обратное соотношение (есть назализация гласных, но нет ротацизма), справедливо замечает, что «это сложное соотношение не случайно, но связано с фонетической структурой албанского языка»<sup>4</sup>. Вероятной кажется мысль о том, что подмена сонанта *n* сонантом *r* могла быть связана с сильной степенью веляризации этих звуков. Веляризованность части согласных так же, как и тенденция к передвижению назад артикуляции некоторых гласных (в частности, назализованного *ā* в гегском), представляет собой одну из конститутивных особенностей албанского произношения, проявляющуюся в диалектах с различной степенью интенсивности. Все это остается, однако, на уровне предварительных соображений. Только специальное экспериментально-фонетическое исследование может дать необходимую основу для более или менее вероятных гипотез в отношении фонетических предпосылок и условий возникновения инновации, захватившей некогда часть албаноязычного ареала.

Изоглосса ротацизма, разделившая этот ареал на две части, указывает на существование границы языкового общения в определенный период ранней истории албанского народа. В настоящее время приходится удовлетворяться лишь самыми общими предположениями о возможных причинах имевшей место языковой изоляции — территориальный разрыв в результате переселений, внедрение иноязычного этноса, языковое смешение или что-либо иное? Если датировать возможный период осуществ-

<sup>3</sup> H. Pedersen, Albanesische Texte mit Glossar, «Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», XV, III, Leipzig, 1895, стр. 8.

<sup>4</sup> E. Çabej, Fonetika historike e Shqipërisë, «Dispensë e botuar nga Universiteti shtetëror i Tiranës», 1960, стр. 102.

вления фонетического сдвига второй половиной 1-го и началом 2-го тысячелетий н. э., то нужно иметь в виду, что именно этот хронологический отрезок является наиболее темным в истории Албании. Иначе говоря, вопрос об основах албанского диалектного членения упирается в сложнейшую проблему исторической локализации албанского этноса на Балканском полуострове в период переселения народов и начала становления феодальных отношений. Необходимо заметить, что при исследовании этой проблемы языковые явления, отразившие в себе определенные события внешне-исторического порядка, должны иметь значение исторических фактов и соответственно приниматься во внимание. В этом отношении факт древнего членения албанского ареала, засвидетельствованный изоглоссой ротацизма, столь же значим, как и загадочное наличие древнего слоя албанских заимствований в румынском языке. Оба эти факта должны быть учитываемы при решении проблемы в целом.

Оставаясь в области гипотез, можно предполагать, что во время дальнейшего формирования албанской народности существовавшие ранее барьеры общения утратили значение и что уже в XIII—XV вв. (период албанского феодализма) конвергирующие тенденции преобладали над дивергирующими. Во всяком случае нет оснований думать, что река Шкумбини, вдоль которой в историческое время проходит граница гегской и тоскской диалектных областей, могла быть тем барьером языкового общения, который некогда создал разделение двух диалектных типов. К югу от р. Шкумбини с давних пор происходило взаимодействие двух в основном уже сложившихся диалектных типов, о чем ясно свидетельствуют описания пограничных говоров. Говоры эти представляют собой варианты смещения гегского и тоскского диалектов. Они не являются говорами переходного типа, образовавшимися в условиях лингвистической непрерывности, но каждый из них может быть определен как результат наслоения тоскских признаков на гегскую основу (например, говор района Люшни на севере равнины Мюзеке, говор района Думре к юго-западу от г. Эльбасана) или, наоборот, гегских признаков на тоскскую основу (например, говор района Сулевы и некоторых других районов на севере Тоскери). Взаимодействие говоров пограничной полосы, проходящей по центру страны, принадлежит уже к тому разделу исторической диалектологии албанского языка, исследование которого опирается на твердую фактическую основу.

IV. Сложность лингвистической карты северной части албаноязычного ареала дает основания для различий в ее интерпретации, что нашло выражение в выдвижении нескольких классификационных схем. Ниже предлагается следующая классификация гегских говоров: I. северногегские, II. среднегегские, III. южногегские говоры<sup>5</sup>. Каждая из этих групп имеет далее свои подразделения. В частности, в северногегскую входят: 1) северо-западные, 2) дукаджинские и 3) северо-восточногегские говоры. Особо выделяется городской говор Шкодры (в его двух разновидностях).

Классификация эта построена с учетом лингвистических признаков актуального членения североалбанского диалектного ареала. При рассмотрении явлений, присущих различным гегским говорам, в качестве отправной точки для сравнения взято понятие общегегского состояния. В соотношении с ним выделяются как инновации, так и консервативные признаки отдельных говоров. Состояние это, пройденное всеми гегскими говорами, может быть реконструировано путем их сравнительного ана-

<sup>5</sup> Иную классификацию дает Й. Гъинари: 1) северный поддиалект, 2) гегский диалект центральной Албании (J. G j i n a r i, Essai d'une démarcation dialectale de la langue albanaise, Tirana, 1966 («I-er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Communications de la délégation de la R. P. d'Albanie»), стр. 22.

лиза. Результаты такой реконструкции практически почти совпадают с состоянием языка, засвидетельствованным в памятниках старогегской письменности XVI в. и первой половины XVII в. Как показывают эти памятники и как это подтверждается данными диалектологического исследования, гегский диалект обладал в то время значительно большей степенью единства, чем в последующие периоды. Инновации, нарушившие унаследованное единство гегской речи, в основном развились относительно поздно — в XVIII в., а частично даже в XIX столетии.

Во внутриязыковых отношениях северногегского ареала важную роль играло устно-поэтическое койне, сложившееся в центральных районах северноалбанской горной области. Это койне с давних пор приобрело значение наддиалектной нормы, оказывавшей определенное влияние на живую разговорную речь. Северноалбанское устно-поэтическое койне в основных своих признаках соответствовало старогегскому состоянию, от которого в той или иной степени отошли современные гегские говоры. Говоры отдельных горных районов северной Гегерии различаются между собой степенью близости к старогегскому состоянию, отраженному в нормах устно-поэтического языка. Эта близость устойчивее сохраняется в центре ареала и сильнее размыва инновациями на периферии. Инновации проникали из западных и восточных районов, а также с юго-востока — из среднегегской диалектной зоны.

На равнинных землях западной и восточной окраин северной Гегерии характер расселения был иным, чем в горах. Как в Шкодранской низине, так и в Косове и Метохии население деревень формировалось на протяжении нескольких столетий в основном из представителей различных северноалбанских родоплеменных коллективов, спускавшихся из горных областей на равнины. Смешанным по происхождению было и население городов. Диалектная речь, первоначально соответствовавшая в своих основных чертах унаследованному старогегскому состоянию, в новых условиях расселения ее носителей оказывалась в большей степени подверженной развитию инноваций, хотя наддиалектная норма северноалбанского устно-поэтического койне в старой Албании сохраняла свой престиж даже в городах.

Со своей стороны города как центры экономического притяжения для населения горных областей оказывали сильное влияние на последние не только в хозяйственном и культурном отношениях, но также и в языке. Влияние Шкодры, с одной стороны, и городов Косово-Метохийского края, с другой, исторически определили сложившееся в период турецкого владычества деление северногегской диалектной зоны на западную и восточную части.

Северо-восточная разновидность гегской речи несколько обособилась от общего северногегского диалектного типа благодаря тому, что внутренние балканские области с албаноязычным населением с давних пор входили в экономическую зону, независимую от зоны Адриатического побережья. Разобщенность отдельных областей была обычным явлением для Турецкой империи с ее слабой централизацией и неразвитой сетью путей сообщения. Для диалектного членения Албании вообще сыграло значительную роль выделение и обособление экономических зон периода турецкого владычества. В частности, резкое своеобразие среднегегского диалектного типа развилось в условиях изоляции долин рек Мати и Черного Дрина, притом при относительно высоком уровне экономического развития этих густонаселенных районов внутренней Албании.

Особую проблему составляет образование южногегского народно-разговорного койне. Благодаря концентрации населения и относительной интенсивности экономической жизни на равнинах и в городах централь-

ной Албании уже во времена турецкого владычества создались условия для выработки обобщенного типа речи. Некоторые предпосылки для этого, возможно, намечались уже ранее, в период существования средневековых албанских княжеств. Но в основном этот процесс, по-видимому, развернулся в XVII—XVIII вв. в связи с ростом городов, развитием в них ремесленного производства и усилением экономических связей между городами и селами этой части албанской территории. Благодаря тому, что все участки этой зоны были так или иначе взаимосвязаны, она представляла собой до некоторой степени единую в экономическом и культурном отношении область, которая в то же время не была замкнутой и изолированной. Открытая влияниям как с юга (со стороны Берата и Влоры), так и с севера (со стороны Шкодры), эта зона сама была очагом влияний, распространявшихся в северном, южном и восточном направлениях. Сложившись на основе эльбасанского говора, южногегское народно-разговорное койне распространилось из долины р. Шкумбини на всю приморскую зону, вплоть до Шкодры. Развитие торговли и ремесленного производства, повышение уровня сельского хозяйства на плодородных землях долины р. Шкумбини и соседних с нею районов, увеличение количества городского и сельского населения, стремление к концентрации территорий, проявившееся в политике борющихся друг с другом крупных феодалов — пашей Шкодры и Тираны, и, наконец, расширение границ государства Шкодранских Бушатов — все это способствовало утверждению значимости народно-разговорного койне, в основу которого лег эльбасанский говор, издавна славившийся в качестве образцового типа речи. Влияние стандартной формы эльбасанского говора было достаточно велико, чтобы обусловить возможность языковой концентрации на ее основе в пределах южногегского ареала. Более того, влияние сложившегося в центральной Албании южногегского народно-разговорного койне распространилось к северу и захватило город Шкодру с прилегающей к нему низменностью. Говор мусульманского населения Шкодры, в ряде своих признаков отличный от более консервативного говора шкодранских католиков, слагался под воздействием сильных языковых влияний, шедших с юга, из городов центральной Албании. Такие явления, как монофтонгизация дифтонгов  $ie > \bar{i}$ ,  $ye > \bar{y}$ ,  $ie > \bar{i}$ , а также последовательность проведения изменения  $mb > m$ ,  $nd > n$ , распространились из южногегской диалектной зоны.

V. Сравнительный обзор гегских говоров, соотнесенный с географической конфигурацией и с социально-историческими характеристиками соответствующих районов северной Албании, позволяет сделать некоторые заключения об исторической динамике развития и распространения диалектных явлений в этой части страны.

При подходе с точки зрения истории языка в гегской диалектной области довольно ясно обнаруживается различие между относительно более консервативными, с одной стороны, и более интенсивно осуществляющими инновации говорами, с другой стороны. Консервативные гегские говоры в основном сосредоточиваются на севере ареала. Говоры, характеризующиеся более решительным проведением инноваций, в свою очередь группируются вокруг находящихся в центральных районах страны очагов распространения соответствующих диалектных явлений.

Зона консервации отдельных признаков старогегского состояния территориально совпадает прежде всего с горными областями, лежащими к северу от р. Дрин. Довольно значительную часть входящих в нее говоров составляют говоры горных районов. Однако в диалектном отношении область не однородна. Она включает также говоры обширного района албанских поселений на северо-востоке ареала (Косово — Метохия), и, кро-

ме того, городские говоры Шкодры, представляющие собой участок скрепления северногегских диалектных признаков с южногегскими, с давних пор проникавшими благодаря экономическим, политическим и культурным связям города с районами центральной Албании.

Наиболее устойчивой в отношении сохранения старогегских языковых форм является средняя часть северногегской диалектной зоны, обозначаемая мною как область дукаджинских говоров. В высокогорных краях Дукаджина и прилегающих к ним районах сохранение отдельных признаков старогегского речевого состояния, в частности произношение дифтонгов *ue*, *ye*, *ie* и долгого назализованного  $\bar{a}$  (без лабиализации), поддерживалось не только относительной изолированностью горцев, но также благодаря большой значимости и авторитету традиционных норм устно-поэтического койне. Язык устной поэзии, постоянно сопровождавшей жизнь албанских горцев, выступал в качестве идеальной модели, стоявшей над узколокальными речевыми вариантами. Этот идеальный тип речи, сохранивший более архаический облик, оказывал активное влияние на живой разговорный язык, содействуя сохранению в нем старых норм и сдерживая развитие инноваций. Однако локальные варианты северногегской речи все же возникали, притом преимущественно на периферийных участках диалектной зоны. Так, например, в говоре Большой Мальсии специфическое развитие получают сложные фонемы *mb*, *nd*, спорадически переходящие в глухие смычные ( $mb > p$ ,  $nd > t$ ). Лабиализация долгого назализованного  $\bar{a}$  в этом, как и в других говорах северногегской периферии, получила довольно широкое распространение, параллельно с обычно сопутствующей ей тенденцией к смешению сильно веларизованных *dh* [d] и *ll* [l]. Вместе с тем в этом говоре сохранилось произношение *ua*, отражающее более раннюю, чем в дукаджинском, фазу развития старогегского *uo*.

Сочетание узколокальных инноваций с некоторыми архаическими особенностями еще в большей степени характерно для говора района Краи, занимающего окраинное положение на северо-западе гегского ареала, и особенно для изолированного варианта этого же говора, получившего независимое развитие в албаноязычном селе Арбанас в Далмации.

Несколько иной характер имело развитие диалекта в северо-восточной части гегского ареала. В Косово — Метохии развились и закрепились некоторые специфические инновации, наиболее характерной из которых можно считать появление простых заднеязычных на месте старых общепалбанских сочетаний *\*kl*, *\*gl*. Но в целом говор в большей мере сохранил общие черты северногегского диалектного типа. Черты эти постепенно размываются. Однако преобразование идет не в сторону дробления на узколокальные варианты, но под влиянием общегегских народно-разговорных норм и литературного языка.

Продвижение большинства инноваций, получивших особенно широкую сферу распространения внутри гегского ареала, например монофтонгизации дифтонгов ( $ue > \bar{u}$ ,  $ye > \bar{y}$ ,  $ie > \bar{i}$ ), изменения  $mb > m$ ,  $nd > n$ , перехода  $h > f$  (в середине и в конце слова), прослеживается в направлении с юга на север. В исследованиях по исторической фонетике Э. Чабей неоднократно подчеркивает, что эти инновации распространялись из центральной части гегского ареала, главным образом, в первые века турецкого владычества. Представляется возможным локализовать этот очаг инноваций, выделив долину реки Шкумбини с лежащим на ней городом Эльбасаном как центр, откуда шло их распространение. Это продвижение совершалось в процессе более или менее интенсивного междиалектного общения, определявшегося экономическими связями между городами центральной и северной Албании. Влияние народно-разговорного койне,

сложившегося в центре страны на базе эльбасанского говора, распространилось далеко на север, вдоль Адриатического побережья и захватило город Шкодру с окружающей его низиной.

Параллельно с этим движением, во внутренних областях Гегерии, отгороженных от морского побережья высокими горными хребтами, совершался другой, также довольно мощный процесс иррадиации диалектных инноваций. Распространением его определялись границы среднегегской диалектной области, имеющей своим центром долины рек Мати и Черного Дрина. В среднегегских говорах вся система ударенных гласных, унаследованная от старогегского состояния, подверглась сильнейшим сдвигам. Концентрация артикуляции гласных в области средних подъемов языка и явления дифтонгизации преобразили весь облик гегской речи в говорах Мати и Дибры. Существенным изменениям подвергся также консонантизм этих говоров.

Фонетические инновации особенно интенсивно проявились в центральных частях среднегегской диалектной территории и заметно ослабевают на ее периферийных участках, например на севере — в говоре Мирдиты, на юго-западе — в говоре горного селения Гур и Барде (на границе долины р. Мати с Тиранской Мальсией). Это дает возможность проследить пути продвижения языковых влияний, распространявшихся по окрестным горным районам из экономически более развитых долин рек Мати и Черного Дрина.

Среднегегский диалектный ареал значительно расширился также в восточную сторону благодаря потоку переселений в западную Македонию, направлявшемуся в основном через Дибру. Характерно, что иррадиация среднегегских диалектных явлений происходила в основном только на север и на восток, ограничиваясь внутренними областями и не выходя на полосу морского побережья, по которой двигался поток южногегских инноваций. Лишь в районах Круи и Лежской Мальсии явления, связанные с дифтонгизацией гласного *i*, частично проникли несколько западнее, что, однако, не меняет общей картины исторического соотношения двух независимых языковых движений.

Несмотря на то, что территория распространения среднегегских диалектных явлений довольно обширна (особенно если учесть албаноязычные поселения западной Македонии), продвижение этого типа диалектной речи оказалось в целом локально ограниченным и не вышло за пределы областей, непосредственно примыкающих к долинам Черного Дрина (область Дибра) и Мати. Если инновации, распространившиеся из южногегской зоны, постепенно приобрели, главным образом благодаря влиянию сложившегося в долине р. Шкумбини народно-разговорного койне, общегегский характер, то среднегегские инновации, наоборот, стали признаком обособленного и отклоняющегося от общих норм типа диалектной речи.

В турецкий период оба потока инноваций двигались, по-видимому, в значительной мере параллельно друг другу, но независимо. Их историческое значение в процессе становления общегегских речевых норм оказалось существенно различным.

Обзор основных направлений продвижения диалектных явлений внутри гегского ареала должен быть завершён указанием на процессы иррадиации гегских явлений в тоскскую диалектную область к югу от р. Шкумбини. Различные формы и степени скрещения признаков гегской и тоскской речи создали специфический облик говоров смешанного типа, широкая полоса которых проходит в центральной части страны.

VI. Характерной особенностью южноалбанского, или тоскского, диалектного ареала можно считать его относительно слабую расчлененность.

Исторически это связано с тем, что на этой территории, во-первых, не получила развития тенденция языковой дифференциации и, во-вторых, довольно активно действовали процессы языковой конвергенции.

При объяснении того, почему на территории южной Албании не создалось более или менее изолированных диалектных единиц, следует иметь в виду целый комплекс условий. В их числе известную роль играл характер географического ландшафта, однако не как самостоятельный фактор, но в связи с общими особенностями процесса общественно-экономического развития и политической истории этой части страны. В целом географический ландшафт южной Албании, несмотря на свою сложность, не создавал естественных предпосылок для изоляции отдельных областей и тем самым — для диалектного обособления. Правда, географическое членение территории не могло не получить некоторого отражения на лингвистической карте в виде более или менее обширных диалектных районов.

В период турецкого владычества, к которому в основном относится процесс формирования диалектной карты Албании в том виде, как она дошла до нас, ландшафт страны уже хранил исторические воспоминания о прошедших столетиях. Традиционны были места поселений, некоторые торговые центры, пути сообщения; традиционны были пути миграций пастушеских общин с их стадами. Однако общая картина расселения албанского народа и типов поселений окончательно сложилась именно в турецкий период, длившийся четыре столетия.

Турки не создали в Албании единого политического, экономического и культурного центра. В административном отношении албанская территория оказалась разорванной на отдельные санджаки, границы которых не раз изменялись. Однако исторический процесс консолидации и внутреннего членения отдельных частей страны совершался в основном помимо этих делений, сообразуясь прежде всего с экономическими условиями жизни населения, с его составом и уровнем общественного развития, а также с конфигурацией географического ландшафта.

Одним из ярких отличий южноалбанского ареала в сравнении с северным было образование относительно большого числа городов и крупных поселений. При этом города располагались по всей территории, будучи центрами экономического притяжения для прилегающих к ним районов. Горные районы фактически никогда не бывали отрезаны от внешнего мира. Посещение локальных торговых центров, ближних, а иногда и более дальних городов по базарным дням всегда составляли важный момент в жизни южноалбанских деревень, даже самых глубинных.

Феодальный строй в Албании в силу специфических условий его развития вообще не благоприятствовал развитию процесса диалектной дифференциации. Языковые отношения внутри южноалбанского диалектного ареала развивались независимо от политических междоусобиц, составлявших статус существования недолговечных феодальных образований. Развитие шло не по пути выделения обособленных диалектных единиц в границах феодальных владений, имевших временный характер, но в соответствии с общими тенденциями распространения и укрепления экономических и культурных связей между естественно сложившимися зонами общения.

Относительное единообразие южноалбанского диалектного типа дает основания усматривать не только вызванную социально-историческими условиями инертность тенденций к дивергенции, но и активность действия процессов конвергенции. Эти процессы в основном получили развитие уже в период заметного оживления экономики страны в XVII—XVIII вв., ознаменовавшегося ростом городов, расширением ремесленного производства и торговли. Усилилось влияние городов на окружающие

сельские районы, расширились экономические и культурные отношения между отдельными городами и областями, повысилась интенсивность общественных форм речевой коммуникации. В XIX—XX вв. эти тенденции проявлялись с еще большей активностью. В процесс речевой унификации вовлекались значительные массы городского и сельского населения.

Процесс языковой конвергенции, развивавшейся в южной Албании в XVII—XIX вв., привел к образованию на этой территории народно-разговорного койне. Это койне сложилось в пределах одной большой диалектной области, однако с рядом локальных вариантов, обусловленных географическим и экономическим членением этой части страны. Достигнутое единство послужило в конце XIX — начале XX в. основой для быстрого достижения успехов в создании южноалбанской формы литературного языка.

VII. При общем единстве диалектного типа на территории южной Албании существует все же локальная вариантность речи, не доходящая до резкого обособления отдельных диалектных районов, но все же заметная как самим говорящим, так и лингвистам. Помимо лексической вариантности, которая повсюду в Албании довольно велика, различия отмечаются в области фонетики и морфологии.

Различия в целом незначительны. Иногда они имеют характер архаизмов, задержавшихся на окраинных территориях, но в большинстве случаев это инновации, которые распространялись в разных направлениях, постепенно продвигаясь из района в район. В соответствии с этим изоглоссы отдельных явлений, хотя и выявляют общие очертания нескольких больших ареалов, не скапливаются на границах определенных участков территории и тем самым не создают диалектного обособления. Свободная и широкая сеть пересекающих одна другую изоглоссы является отражением исторических условий языкового общения на территории южной Албании, при которых не получали развития процессы дивергенции и которые, наоборот, способствовали достижению относительного единообразия речи в пределах всей диалектной области.

Основные ареалы, естественно выделяющиеся благодаря географическому членению южноалбанской территории, это — северо-западный, северо-восточный и южный. Из них первые два, представляющие вместе севернотоскский диалектный тип, обладают значительным количеством общих явлений; южный в большей мере сохраняет отдельные архаические черты, являясь в то же время областью возникновения некоторых инноваций.

Естественную границу северо-западного и северо-восточного ареалов образуют высокие горные хребты, отделяющие приморскую равнину Мюзеке и холмистую Малакастру от обширных котловин Корчи и Коломни. Границей южного ареала является р. Вийоса, пересекающая южноалбанскую территорию в направлении с юго-востока на северо-запад.

Различия, устанавливаемые при изучении отдельных участков южноалбанской диалектной области, в целом не нарушают единства типа, определяемого как общетоскский. Этот тип доминирует над локальными различиями, имеющими более или менее частный характер. Известное исключение составляют лишь ляберийские говоры, обнаруживающие своеобразные фонетические явления.